

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.04

Арсланов Рафаэль Амирович

доктор исторических наук, профессор
Российский университет дружбы народов
Россия, Москва
e-mail: ars_raf@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ РУССКОГО ЛИБЕРАЛА НА РЕФОРМЫ ПЕТРА I

Аннотация. В статье рассматривается восприятие личности Петра I и его преобразований видным теоретиком русского либерализма, одним из основателей государственной школы в исторической науке, активным участником подготовки отмены крепостного права Константином Дмитриевичем Кавелиным. Проясняются его исторические взгляды, сформировавшиеся в социокультурном контексте 1840-х гг., когда образованная часть российского общества стала искать в прошлом страны, и прежде всего в Петровской эпохе, доказательства необходимости проведения реформ. Рассматривается восприятие русским либералом государства в отечественной истории как основной преобразовательной силы, создающей условия для формирования личности и движения к свободе. Анализируется эволюция отношения Кавелина к преобразованиям и личности Петра I в условиях 1860-х гг. — времени осмысления первых результатов Великих реформ. Выявляются факторы, несколько изменившие ракурс восприятия либералом эпохи правления первого русского императора. Особое внимание уделяется пониманию Кавелиным воздействия внешних влияний и внутренних потребностей на проведение реформ, его размышлениям о роли иноземных заимствований и соотношении национального и европейского в развитии России.

Ключевые слова: реформы, русский либерализм, государственная школа, личность, свобода, Россия, Запад, славянофилы, внешнее влияние, самобытность.

Arslanov Rafael A.

Doctor of Historical Sciences, Professor
RUDN University
Moscow, Russia
ars_raf@mail.ru

EVOLUTION OF THE VIEWS OF THE RUSSIAN LIBERAL ON THE REFORMS OF PETER THE GREAT

Abstract. In the article the author analyzes the perception of the personality of Peter the Great and his transformations by Konstantin Kavelin — a prominent theorist of Russian liberalism, one of the founders of a state school in historical science, an active participant in the preparation of the abolition of serfdom. The reader can understand better Kavelin's

historical views, formed in the social and cultural context of the 1840s, when an educated part of Russian society began to look for evidence of the need for reforms in the past and particularly in the era of the emperor. The Russian liberal considered the role of state as the main transformative force that created the conditions for the formation of personality and movement towards freedom. The evolution of Kavelin's attitude to the transformations and personality of Peter the Great in 1860s is analyzed. The author reveals the factors that have slightly changed the perspective of the liberal's perception of the era of the Peter's reign.

Special attention is paid to Kavelin's understanding of the impact of external influences and internal needs on the implementation of reforms, his thoughts on the role of foreign borrowing and the relationship between national and European values in the development of Russia.

Keywords: reforms, Russian liberalism, state school, personality, freedom, Russia, the West, Slavophiles, external influence, identity.

Изучение проблемы, поставленной в статье, дает возможность проследить эволюцию отношения основоположника национальной версии либеральной теории К. Д. Кавелина (1818–1885) не только к личности и деятельности Петра I, но и к русскому государству в целом, а в итоге установить факторы, повлиявшие на формирование и развитие его взглядов, на выбор политической позиции, колебавшейся от умеренной оппозиционности до готовности к сотрудничеству с властью. Следует заметить, что идеология и практика отечественных либералов второй половины XIX в. во многом определялись их интерпретацией роли и значения государства в истории страны, сохранявшейся, во всяком случае до конца XIX в., у значительной части образованного общества, веры в его реформаторский потенциал, в готовность защищать национальные интересы и обеспечивать мирными средствами прогрессивное развитие России по европейскому образцу.

Иными словами, политические программы русских либералов эпохи пореформенной модернизации выстраивались под влиянием исторических взглядов их ведущих теоретиков, накладывавших отпечаток на осмысление настоящего и конструирование будущего страны. Вот почему изучение эволюции воззрений русского либерала на реформы и личность Петра I, созданное им государство крайне важно для выявления степени адекватности либеральных идей историческим реалиям России. Особое значение приобретают размышления историка о соотношении в реформах Петра национальных и европейских элементов, его идеи необходимости достижения органического синтеза самобытных и заимствованных ценностей, актуальность которых, как представляется, сохраняется и сегодня.

О важности и значении темы свидетельствует и то внимание, которое уделяется нашими современниками отражению личности и деятельности Петра в общественном сознании России¹. Сохраняет свою актуальность суждение

¹ Петр Великий: Pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2003; Соловьев Е. А. «Революция сверху»: концепция

историка А. А. Кизеветтера, согласно которому литература о Петре «с необыкновенной эластичностью отразила... разнообразнейшие повороты общественной жизни, разнообразнейшие течения общественной мысли»². И действительно, отношение к Петру стало своеобразным оселком, позволяющим установить характер взглядов и позиции его исследователей, а главное, веяния времени, влиявшие на восприятие его личности и преобразований.

Следует заметить и то, что проблема интерпретации реформ Петра I самим Кавелиным получила определенное освещение в отечественной историографии³. Вполне обоснованным представляется вывод Р. А. Киреевой, согласно которому в восприятии либералом Петра сошлись основные направления его исторической концепции: «идея органического развития (имеется в виду закономерный, подготовленный всей предшествующей историей России характер реформ. — Р. А.), идея государства и личности»⁴. Вместе с тем представляется, что ряд аспектов воззрения Кавелина на реформы Петра, например его понимание соотношения заимствованного и национального в их содержании, его оценки роли Запада в развитии России, а главное, проблема эволюции взглядов в 1860-х гг., не получили должного освещения.

Цель статьи — осветить процесс эволюции взглядов Кавелина на Петровские реформы, установить факторы, влиявшие на изменение его трактовок роли европейских заимствований и национальных особенностей в развитии страны.

Основные положения своей исторической концепции Кавелин сформулировал в получившей широкую известность статье «Взгляд на юридический быт Древней России» (1847). П. Н. Милюков вполне резонно увидел в ней первое, основанное на изучении исторических источников философское осмысление истории страны, разработку «своей формулы русской истории»⁵. Ряд же современников восприняли ее, прежде всего, как манифест либеральной оппозиции, разоблачавший деспотическое самодержавие. Так, А. И. Герцен обнаружил ее скрытое под научной формой содержание в развитии мысли о том, «что личность <в России. — Р. А.> всегда поглощалась семьей, общиной, а позже государством и церковью. <...> Государство пользовалось этим отсутствием

преобразований Петра Великого в трудах С. М. Соловьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2005. № 4. С. 38–43; Айдунова Т. Ю. Петр I в русской общественно-политической мысли середины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2019; Черникова Т. В. «Обратная сторона» петровских реформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 88–107.

² Кизеветтер А. А. Реформа Петра Великого в сознании русского общества (1896) // Петр Великий: pro et contra. С. 503.

³ Арсланов Р. А. К. Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000; Киреева Р. А. Государственная школа: историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина. М., 2004.

⁴ Киреева Р. А. Указ. соч. С. 141.

⁵ Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии // Русская мысль. 1886. Кн. VI. С. 83.

определения личного права, чтобы нарушать вольности; таким образом, русская история была историей развития самодержавия и власти, как история Запада является историей развития свободы и прав»⁶.

Рассматривая сквозь призму своих убеждений кавелинские оценки отношения государства и личности в истории России, излагая их в публицистической форме, Герцен вольно или невольно приписал историку отождествление понятий «государство» и «самодержавие». На самом же деле Кавелин в рамках своей теории, основанной на диалектическом методе Гегеля, рассматривал историю России как противостояние родового и государственного начал, в процессе которого и шло становление личности. Все своеобразие отечественной истории, по мнению Кавелина, заключалось в длительном господстве родовых отношений и отсутствии личности, что и отделяло Россию от Запада. Основное же направление ее развития, утверждал историк, «должно было состоять в постепенном образовании, появлении начала личности и, следовательно, в постепенном отрицании исключительно, кровного быта, в котором личность не могла существовать»⁷.

Процессы формирования личности и сопряженного с ним государства, пройдя ряд этапов, получили свою определенность и некоторую завершенность в результате Петровских реформ. По словам Кавелина, к концу XVII в. древнерусская жизнь, основанная на родовых отношениях, себя полностью исчерпала. «Последним ее усилением, венцом ее существования были первые зачатки государства и начало личности»⁸.

Таким образом, историю России Кавелин рассматривал не как процесс становления самодержавия, подавлявшего личность и ее свободу, а как органическое единство развития государства и личности. Их воплощение в реалиях русской жизни наиболее ярко проявилось в самом царе-реформаторе. «Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность, — утверждал мыслитель, — есть первая фаза осуществления начала личности в русской истории»⁹.

В своей статье Кавелин поставил и такую актуальную для ожидавшего перемен российского общества эпохи позднего николаевского царствования проблему, как предпосылки реформ. И здесь историк пытался установить соотношение в преобразованиях первой четверти XVIII в. внешних влияний и внутреннего развития, иностранных заимствований и собственной подготовительной работы.

Доказывая закономерный, органический характер реформ Петра, которые «приготовлялись» всей предшествующей историей, он утверждал, например, что становление личности в России шло и в XVII в., но как некой формы,

⁶ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 244.

⁷ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт Древней России // Кавелин К. Д. Избранное / сост., автор вступ. ст., коммент. Р. А. Арсланов. М., 2010. С. 70.

⁸ Там же. С. 105.

⁹ Там же. С. 106.

лишенной содержания¹⁰. Завершилось же ее складывание в условиях преобразований, требовавших активного действия, одухотворенного западными идеями. Общий вывод Кавелина сводился к тому, что личность зарождалась в самой России в результате самостоятельного развития, но окончательно она сложилась, когда начала «мыслить и действовать под чужим влиянием»¹¹. Таким образом, согласно концепции Кавелина, именно в результате взаимодействия собственных усилий всего народа и внешних заимствований в России и складывались условия для петровских преобразований.

Еще одним аспектом реформы, рассмотренной Кавелиным, стали исторические последствия обновления страны начала XVIII в., и особенно их славянофильская интерпретация.

Кавелин отмечал крайне негативное восприятие реформы славянофилами, обвинявшими Петра не только в насильственных методах ее проведения, но и за результаты. Они, по словам историка, утверждали, что эпоха преобразований «пришла слишком внезапно, действовала круто, насильственно, разорвала русскую историю на две половины, совершенно между собою несхожие, ничем не связанные, и нас сделала бесхарактерными, жалкими междоумками... наконец, что она лишила Россию национальности, подчинила ее исключительному господству европейских элементов...»¹². Кавелин, опровергая славянофильские идеи о том, что Петр вынудил страну покинуть присущий ей национальный путь развития и внезапно провел неподготовленные всем ее прошлым реформы, вновь и вновь доказывал их органический, закономерный характер. В качестве аргументов он привел исторические факты, свидетельствовавшие о вызревании перемен в предшествующее время, обратив, например, внимание «на появление иностранных обычаев еще до Петра; на умножение иностранцев в Московской России, на всякого рода отступничество от прежних нравов, наконец, на упадок государственного устройства и управления перед реформой»¹³.

Насильственный же характер реформы Кавелин объяснял условиями, в которых находилась сама Россия, выдвинув получивший в дальнейшем широкое распространение тезис об исторической обусловленности использования «варварских методов в борьбе против варварства». «Мы были несчастные дети, окруженные самыми невыгодными условиями, — писал он. — К бедной внешней природе присоединились глубокое невежество, полувосточные привычки, которые ... в самых зачатках убивали всякое нравственное развитие, всякую общественность, всякую свободу и движение». В итоге он приходил к выводу, что «оправдание эпохи реформ — в ее целях: средства дала, навязала ей сама старая Русь»¹⁴.

¹⁰ Герцен А. И. Указ. соч. С. 105.

¹¹ Там же. С. 106.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 107.

¹⁴ Там же.

Таким образом, именно в идеализированной славянофилами Московской России Кавелин видел истоки использования насильственных средств, без которых невозможно было преодолеть не только отсталость, но и то, что он считал самым важным, — ее основную предпосылку — полуазиатскую природу страны, лишавшую ее основного инструмента развития — начала личности.

При этом он напоминал славянофилам, в каких условиях приходилось действовать Петру, вынужденному начинать реформу в сложной международной обстановке, а проводить в условиях войны. «А мы знаем, каково было положение государства перед реформой и при Петре; со всех сторон враги, беспорядок, и отсутствие централизации. Тут некогда было выжидать... Нужды были слишком настоятельны чтоб можно было вести реформу медленно, спокойно, рассчитывая на много лет вперед»¹⁵.

Таким образом, внешнеполитическая обстановка и внутреннее положение России диктовали, по мнению либерала, и форсированные темпы, и крутые меры проведения реформы.

Славянофилы особенно остро критиковали Петра за то, что он, не зная страны, своими реформами уничтожил старую Русь, привел к утрате особого пути развития и того, что мы сегодня бы назвали национальной идентичностью. «Самое важное, капитальное обвинение (со стороны славянофилов. — *Р. А.*) эпохи преобразований состоит в том, — писал Кавелин, — что она будто бы лишила нас народности и безусловно подчинила европейскому влиянию»¹⁶. Опровергая этот получивший распространение тезис, Кавелин доказывал, что реформы Петра, избавив страну от одряхлевшей формы, укрепили национальную основу России. «Не Европа к нам перешла, — доказывал он, — а мы оевропеились, оставаясь русскими по-прежнему, ибо когда человек или народ что-нибудь берет, заимствует у другого, он не перестает быть тем, чем был прежде». Петр и его преемники, доказывал он, «и не думали ввести у нас иностранное вместо русского. Они видели недостатки в современной им России, хотели их исправить, улучшить ее быт и с этой целью часто прибегали к европейским формам, почти никогда не вводя их у нас без существенных изменений; что из нашего исключительно национального казалось им хорошо... то они оставляли»¹⁷.

Так, в споре со славянофилами, да и ортодоксальными западниками, отрицавшими наличие каких-либо достижений в старой России, возможность использования некоторых сформировавшихся в прошлом самобытных черт для ее обновления, Кавелин наметил концепцию синтеза европейского и национального, получившую, как мы увидим ниже, более тщательную проработку в пореформенный период его творчества.

¹⁵ Герцен *А. И.* Указ. соч. С. 108.

¹⁶ Там же. С. 109.

¹⁷ Там же. С. 111.

Принципиально важным представляется и то, что соединение заимствованного и почвенного он объяснял действиями государства в общенациональных интересах, прагматическими соображениями Петра и его окружения: «Практические пользы, улучшения поглощали всю деятельность... Русское и иностранное все сливалось в одно, чтобы вести Россию вперед»¹⁸.

Таким образом, в своей научной по форме статье Кавелин осветил ряд острых общественных вопросов, волновавших российское общество конца 1840-х гг. Обращаясь к петровскому времени, он доказывал и взаимосвязь в истории России развития государства и личности, и закономерный характер реформы, и естественность, органичность взаимодействия заимствованных элементов и национальных особенностей.

Кавелин выступил против позиции славянофилов, обвинявших Петра в измене национальным традициям и отказе от самобытности, доказывая, что использование европейских достижений лишь укрепляли национальную основу России, в том числе и в ее противостоянии с внешними врагами.

При этом он утверждал, что главное в национальности не внешние ее формы, а духовное, нравственное содержание. «С большим сближением различных народов она (национальность. — *P. A.*) более и более одухотворяется, отрешается от внешнего, случайного, в сущности безразличного: исчезнуть она не может, пока не исчезнет сам народ»¹⁹.

Главное же в реформах Петра либерал увидел в том, что они, сохраняя национальное ядро, определили дальнейшее прогрессивное развитие России. «Исчерпавши все свои исключительно национальные элементы, — писал историк о результатах нововведений XVIII в., — мы вышли в жизнь общечеловеческую, оставаясь тем же, чем были и прежде — русскими славянами»²⁰. Одна из основных, если хотите, идеологических, целей работы Кавелина 1847 г., заключалась в его стремлении в условиях николаевского режима обосновать на примере петровского времени необходимость и плодотворность реформ. В результате под влиянием передового общественного мнения, а также событий Крымской войны представители правящей элиты все более осознавали необходимость преобразований, и прежде всего освобождения крестьян.

В условиях пореформенного развития России для Кавелина обращение к Петровской эпохе вызывалось стремлением, с одной стороны, обосновать необходимость продолжения силами самодержавного государства реформ, начатых отменой крепостного права, а с другой — отыскать в прошлом точки опоры, способные смягчить социальные последствия нововведений. Актуальность первой задачи во многом вызывалась конституционными поползновениями середины 1860-х гг. столичного дворянства, его проектами ограничения самодержавия. При этом в замыслах «либеральной олигархии»

¹⁸ Герцен А. И. Указ. соч. С. 111–112.

¹⁹ Там же. С. 110.

²⁰ Там же. С. 112.

Кавелин обнаружил не заботу о правах и свободе народа, а желание, получив доступ к управлению государством, взять реванш за потерю крепостных крестьян. Реализация же этих планов могла привести к трагическим социальным последствиям. «...Игра в конституцию, — делился своими опасениями Кавелин в письме к Герцену, — меня пугает... Разбесят дворяне мужиков до крайности, уверят их своим псевдолиберальным балагурством, что они, дворяне, в самом деле затевают что-то против царя, и пойдет потеха. <...> Я скоро... буду всеми силами стоять... за все реформы, но против конституции»²¹. Таким образом, признавая благотворность конституционных порядков в будущем, Кавелин полагал, что в крестьянской России попытки их преждевременного установления могут принести лишь беды народу и государству.

Реформы 1860-х гг., инициированные, наряду с прочим, неудачей России в Крымской войне, во многом ориентировались на европейские общественные порядки и либеральные ценности, которые, как считалось, и позволили ведущим державам Запада одержать победу. Однако вскоре в стране стали ощущаться и негативные последствия рыночной модернизации, заставившие задуматься и бюрократию, и часть либерального общества о применимости иностранных заимствований к национальным условиям. В этой ситуации актуализировалась тема Петровских реформ, усилился поиск в прошлом страны, в ее национальной почве точек опоры, амортизирующих последствия европейских по форме преобразований.

В статье «Мысли и заметки о русской истории» (1866) Кавелин вновь, правда более целенаправленно, обратился к петровскому времени. Опираясь на фактический материал, он пытался обосновать необходимость сохранения самодержавного государства, воспринимаемого им не только как единственный субъект преобразований в России, но и воплощение народных представлений об идеальной власти. Основное содержание истории теперь, в отличие от работы 1847 г., он видит в образовании Великороссии, «которой главнейшая жизненная задача как будто исключительно в том только и состояла, чтоб создать и упрочить государство. Этой цели она приносила и приносит в жертву лучшие свои силы»²².

Глубинную же основу этого государства он находит в быту и сознании крестьянского мира. Первоэлементом, основой крестьянской жизни, да и всей истории русского общества, является, по мнению историка, появившийся в глубокой древности дом, или двор. «В этой социальной единице заключаются, как в зародыше, зачатки всех последующих общественных отношений: и семья, и рабство, и гражданское общество, и государство»²³. В результате тот порядок, который установился в крестьянской семье, — жесткое подчинение всех власти главы дома — был перенесен и на государство. «Как был

²¹ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева. 1892. С. 47.

²² *Кавелин К. Д.* Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К. Д. Избранное / сост., автор вступ. ст., коммент. Р. А. Арсланов. М., 2010. С. 201.

²³ Там же. С. 227.

устроен частный быт, точно так же было устроено и все государственное здание. Домашняя дисциплина послужила образцом для дисциплины общественной и государственной. В царской власти, сложившейся по типу власти домовладыки, русскому народу представилась в идеальном, преображенном виде та же самая власть, которую он коротко знал из ежедневного быта... Царь, по представлениям великорусского народа, есть воплощение государства. <...> Царь есть само государство — идеальное, благотворное, но вместе и грозное его выражение...»²⁴.

Этот общеисторический взгляд определял и отношение Кавелина к личности и реформам Петра Великого.

Теперь он подробнее, чем в статье 1847 г., осветил и политику Петра, обращаясь к таким, ранее практически не затронутым, ее аспектам как роль личности царя-реформатора, международной обстановки, европейских заимствований, а точнее, их неоднозначного воздействия на развитие страны.

Кроме того, Кавелин специально остановился и на взаимодействии социальных, политических и духовных предпосылок реформ. По его словам, «брожение в Московском царстве» вызвано в отличие от прежних смут «расслаблением связей, которыми до тех пор держалось все общество. Появляется хаос в головах и в действительности. Никто не знает, как приняться за исправление беспорядков, которые все усиливаются и вырождаются в бунты, грозящие опасностью даже целости и единству государственной власти. Видимо, внутренние, органические причины колеблют государство. И вот посреди этой неурядицы является Петр, с необыкновенной энергией и жестокостью подавляет смуты, преобразует внешним образом все формы быта и придает стране наружный вид европейской монархии того времени»²⁵.

В 1860-х гг., т. е. в эпоху реформ царя-освободителя, Кавелин все более акцентировал внимание не на органическом, закономерном характере преобразований Петра, не на их вызревании в предшествующую эпоху, а на преобразовательной роли государства, на их непосредственных предпосылках, связанных с бунтами, всплеском преступности, ослаблением власти, что и требовало принятия решительных мер и непосредственного личного участия монарха. Изменение же ракурса восприятия Петровской эпохи отражало, скорее всего, надежды либерала не только на продолжение реформ правительства Александра II, но и на проявление большей активности и решительности со стороны самого императора.

Примечательно, что еще накануне отмены крепостного права в своей рукописной статье Кавелин представил реформаторскую функцию государства как наследственную черту русской власти. «Петр Великий, — писал он, — начал в нашей государственной и политической жизни преобразование, которое преемники его блистательно продолжили в администрации, а в наше время проводят в общественном и частном быту»²⁶.

²⁴ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории... С. 236.

²⁵ Там же. С. 245.

²⁶ Кавелин К. Д. О Петре I и его реформе // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 548. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 3.

В целом, обращаясь к эпохам преобразований начала XVIII и середины XIX в., Кавелин пытался вдохновить Александра II на проведение реформ, сравнимых по масштабу и значению с деяниями его великого предшественника.

В новых общественно-политических условиях историк подробнее останавливается и на самой личности царя-реформатора. Опровергая мнение о том, что Петр I действовал под иностранным влиянием, отдавая предпочтение всему западному, он стремился выявить национальную основу его личности и деятельности. «Петр Великий с головы до ног — великорусская натура, великорусская душа. Удивительная живость, подвижность, сметливость; склад ума практический, без всякой тени мечтательности резонерства, отвлеченности и фразы; находчивость в беде; рядом с тем неразборчивость в средствах для достижения практических целей; безграничный разгул, отсутствие во всем меры — и в труде, и в страстях, и в печали»²⁷. Таким образом, насильственный характер преобразований, неразборчивость в средствах при достижении поставленных целей, отсутствие меры во всем, присущие Петру, являлись, по мнению Кавелина, еще одним доказательством «великорусской природы» как его личности, так и самих реформ.

Вместе с тем Кавелин был далек от идеализации личности и деятельности Петра, стремился их осмыслить и представить исходя из обстоятельств времени, т. е. руководствуясь методом, который мы сегодня назвали бы принципом историзма. «Существенная сторона вопроса о Петре Великом и его эпохе, — писал мыслитель, — заключается не в критическом разборе его планов и их выполнении, не в оценке практического достоинства его законов и распоряжений, а в определении места, занимаемого петровской реформой в нашем историческом развитии. Мы старались показать, что она есть органическое продолжение старины, вытекла из нее необходимо и естественно и представляется нам каким-то скачком потому только, что вводилась у нас одним из величайших деятелей истории, который своею необыкновенною личностью и делами затмил обыденный ход нашей исторической жизни. Восстановить потерянное в сознании преемство внутреннего нашего развития, указать органическую связь там, где теперь представляются как будто порванные концы исторической нити, — вот теперь главная, первая задача русской истории»²⁸.

Таким образом, снова и снова обосновывая закономерность преобразований Петра I, объясняя их формы и методы проведения исторической обстановкой и личными качествами императора, Кавелин пытался обосновать прогрессивную роль русского государства, отражающую глубинные интересы народа, проводящего реформы в его интересах и с учетом национальных особенностей.

Историк отмечал: «...не создавая самодержавия, Петр придал ему свою деятельность, своей личностью, своей жизнью новый характер и в этом

²⁷ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории... С. 255.

²⁸ Там же. С. 264.

смысле определил весь последующий ход нашей истории». Именно после Петра «преобразование и служение русскому государству и русскому народу осталось ее (власти. — *Р. А.*) знаменем и до наших дней...»²⁹.

Итак, основную историческую заслугу Петра перед Россией мыслитель видел в том, что он укрепил государство, освободив его от обветшавших форм, придав преобразовательные функции и поставив на службу национальным интересам. Представляется, что и само обращение к Петровской эпохе служило Кавелину историческим обоснованием не только необходимости продолжения преобразований, но и укрепления инструмента их проведения, т. е. самодержавного государства.

В условиях 1860-х гг. историк стал в большей степени, чем ранее, обращать внимание на международную обстановку, учитывать ее влияние на реформы Петра I: «К его времени мы уже вдвигались в круг европейских государств и принимали все большее участие в делах Европы. Сама сила вещей вынуждала нас облечься в европейские формы. Давнишняя наша потребность приобрести Остзейский край вовлекла нас в войну со Швецией, а это настоятельно потребовало преобразования войска по европейскому образцу и создания флота...»³⁰. Таким образом, Кавелин, хотя и без детализации, но все же начинает рассматривать внешнеполитическую составляющую Петровских реформ, подчеркивать влияние геополитического фактора и войны на ее проведение.

Однако главный смысл Петровской эпохи мыслитель видел, с одной стороны, в утверждении в русском обществе «начала личной свободы», а с другой — в том, что она стала «во всех отношениях, приготовлением, при помощи европейских влияний, к самостоятельной и сознательной народной жизни»³¹.

При этом историк затронул актуальную для России того, да и нашего, времени проблему совместимости сильного государства и свободы личности. Становление этой свободы, доказывал Кавелин, должно было идти в России постепенно, «не подвергая опасности выигранное государственное начало, идя постепенно сверху вниз, от высших слоев русского общества к низшим»³². Следует заметить, что близкую кавелинской оценку основной задачи Петровской эпохи дал властитель дум разночинной интеллигенции, теоретик народничества Н. К. Михайловский, по мнению которого Петру I «предстояло разбудить личность, сбросить с нее старые стихийные оковы, но немедленно же указать ей новые границы»³³.

²⁹ *Кавелин К. Д.* Мысли и заметки о русской истории... С. 266.

³⁰ Там же. С. 257.

³¹ Там же. С. 269.

³² *Кавелин К. Д.* Краткий взгляд на русскую историю // Собрание сочинений К. Д. Кавелина. Т. 1. Монографии по русской истории / биографич. очерк и примеч. проф. Д. А. Корсакова. СПб., 1897. Стлб. 577.

³³ *Михайловский Н. К.* Из литературных и журнальных заметок 1872 г. // Сочинения Н. К. Михайловского. Т. 1. СПб., 1896. Стлб. 648.

Иное видение смысла и результатов реформ предложил историк В. О. Ключевский, для которого «реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он <Петр I> надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная»³⁴. Представляется, что проблема сочетания свободы личности и сильной власти в условиях России, вызывавшая споры в прошлом, ждет своего всестороннего осмысления и в наши дни.

Вероятно, следует специально остановиться на этом нехарактерном для европейского либерализма, но присущего его русской разновидности видении государства как двигателя прогресса. И здесь едва ли можно упрекнуть теоретика русского либерализма в излишнем утопизме. Анализ прошлого, и прежде всего петровского времени, осмысление российских реалий пореформенной эпохи с отсутствием не только прав и свобод личности, но и самой личности, глубоким социокультурным расколом приводили его к восприятию государства как единственного носителя прогресса в стране, создающего условия для вызревания гражданского общества. И хотя надежды на самодержавие, на возможность воздействия с помощью либеральной публицистики на политику власти к 1880-м гг. покажут всю свою иллюзорность, все же в них нашли отражение и российские реалии эпохи начала рыночной модернизации, и вера русского интеллигента в возможность самостоятельного эволюционного развития страны.

Таким образом, основное значение Петровских реформ Кавелин, в отличие от ряда современных авторов, видел в создании не тоталитарного государства, а инструмента прогрессивных преобразований в России, не в подчинении личности власти, а в ее формировании при активном участии государства.

Кавелин ценил Петра I за то, что тот сумел выбрать на Западе и, преодолевая массу препятствий, внедрить в России те элементы европейской жизни, которые позволили стране выйти из изоляции, создать условия для ее дальнейшего развития. Благодаря реформам и заимствованиям общество перестало быть односложным, в нем появился внутренний элемент движения — мыслящее меньшинство, которое стало критически и свободно относиться к окружающей действительности. С Петра в русской жизни, утверждал Кавелин, «выступает на первый план личная инициатива, индивидуальность выдается вперед из народной массы, в которой она ступшевывалась»³⁵.

³⁴ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. / [под ред. В. Л. Янина]. Т. IV. М., 1989. С. 203.

³⁵ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории... С. 246.

Кроме того, реформы привели к появлению в России сторонников «привитых и своих начал», а в их противостоянии Кавелин также увидел один из источников развития общества. С Петровской эпохи, писал он, «яснее выступила вперед внутренняя борьба, которая в других формах, по другим поводам происходит у всех народов, играющих роль в истории. Где нет такой борьбы, там нет жизни и развития»³⁶. Таким образом, противостояние сторонников европейской культуры и национальных традиций, в дальнейшем получивших название западников и славянофилов, заменяя по существу социальную и политическую борьбу, обеспечивало, согласно концепции Кавелина, развитие России, спасая ее тем самым от стагнации и революции.

Однако европейские заимствования и в целом реформы Петра I принесли, по мнению историка, и некоторые отрицательные последствия. Так, обратной стороной появления личности, образованного меньшинства стало то, что оно со временем стало вступать в разлад с действительностью, противопоставляя себя народной массе. Причиной наметившегося раскола являлось то, что сложившийся в результате заимствований образованный класс «живет чужой жизнью, принимает чужие нравы, меняет свой язык на чужой, прилепляется к идеалам, взглядам, требованиям, выработанным чужою жизнью»³⁷. Таким образом, один из основных негативных результатов реформ Кавелин увидел в образовании глубочайшего социокультурного раскола общества, проявившегося в складывании европеизированного меньшинства, чуждого основному населению страны.

При этом перенимаемые образованной частью дворянства на Западе идеалы не отвечали ни уровню развития, ни потребностям русского народа. В результате, полагал Кавелин, «естественный, нормальный ход жизни был нарушен: мысль то опережала ее, то от нее отставала; действительные потребности то оставались без внимания, потому что не подходили под идеал, то удовлетворялись не так, как следовало, потому что на них смотрели не прямо, а сквозь предвзятую мысль. Появилось множество неестественных сочетаний, причудливых комбинаций в мысли и в самых фактах; создалась искусственная жизнь, искусственная действительность, которая, в свою очередь, вызывала искусственную мысль»³⁸. Вот это противоречие между заимствованной мыслью и русскими реалиями, а в социальном измерении между ее носителями — дворянством — и национальной почвой — крестьянством — и становилось, по мнению Кавелина, одним из основных препятствий на пути преобразований, в которых нуждалась страна. И лишь во время подготовки Великой реформы он увидел начало преодоления эпохи копирования чужого опыта: «Пристрастие к иностранному и чужому видимо сменяется в образованных слоях нашего общества охлаждением к Европе... национальное чувство растет быстро... мысль становится трезвее, получает практический склад, обращается к практическим интересам...»³⁹.

³⁶ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории... С. 259–260.

³⁷ Там же. С. 246.

³⁸ Там же. С. 247.

³⁹ Там же. С. 248.

Представляется, что в освобождении крестьян и других либеральных реформах Александра II историк увидел не только возвращение элиты к национальным истокам, но и возможность начала самостоятельного, не деформированного иностранными заимствованиями пути развития России.

Анализ восприятия Кавелиным личности и реформ Петра позволил выявить в его воззрениях еще одну нехарактерную для ортодоксального либерализма черту. Признавая закономерность и прогрессивность зарубежных заимствований, Кавелин на примере петровского опыта доказывал необходимость самостоятельного развития России, происходящего на основе синтеза ряда национальных особенностей и европейских достижений.

При этом, обосновывая, как и в работе 1847 г., идею синтеза, Кавелин теперь отдавал приоритет национальной составляющей. Изменение данного ракурса видения реформы, акцентирование внимания на национальной компоненте было призвано, как представляется, начертить такой путь развития страны, который, с одной стороны, в большей мере учитывал все ее особенности (под ними мыслитель понимал сохранение сильного государства и крестьянской общины, сосуществование которых рассматривалось им как следствие глубинных народных представлений об идеальной власти), а с другой — позволил бы если не избежать, то смягчить социальные последствия проводимых в стране рыночных реформ, создать условия для становления личности и ее адаптации к национальной почве.

В заключение необходимо сказать, что при всех достижениях в деле осмысления Петровских реформ сам образ императора был крайне мифологизирован при активном участии не только самой власти и авторов официального консервативного направления, но и нарождавшихся в обществе либеральных сил. Основой такого «единства» при всех различиях в толковании прошлого служила доминировавшая в общественном сознании эпохи парадигма: «реформы в рамках самодержавного государства и посредством самого государства». Ей соответствовала и официально-апологетический взгляд на Петра Великого, и либеральная интерпретация Кавелиным царя-реформатора как первой свободной личности.

В суждениях Кавелина о Петровской эпохе мы находим и ряд противоречий, которые он со свойственной ему парадоксальностью констатировал, но в итоге так и не разрешил.

Прежде всего, речь идет о сочетании свободы личности и сильного государства. Их соединение, которого добивался Петр в условиях крепостничества, оказалось невыполнимой задачей, «политической квадратурой круга», о чем позднее писал вдумчивый исследователь Петровских реформ В. О. Ключевский.

Объясняя необходимость использования царем-реформатором насилия историческими условиями и прежде всего отсталостью страны, низким культурным уровнем народа, Кавелин вынужден был в дальнейшем признать, что методы проведения реформ лишь укрепили крепостнические порядки, усилили социокультурный раскол общества.

С другой стороны, на примере петровского опыта Кавелин стал доказывать закономерность и плодотворность мирных постепенных преобразований, проводимых самим государством. Но одновременно он говорил о необходимости создания условий для их проведения, поиске согласия между государством и обществом, а главное, о подготовке самого общества к восприятию новаций. Эти идеи легли в основу формирующейся теории русского национального либерализма, призванной адаптировать основные либеральные ценности к условиям самодержавной, крестьянской страны.

Литература

1. Айдунова Т. Ю. Петр I в русской общественно-политической мысли середины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 36 с.
2. Арсланов Р. А. К. Д. Кавелин: человек и мыслитель. М.: Изд-во РУДН, 2000. 378 с.
3. Киреева Р. А. Государственная школа: историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина. М.: ОГИ, 2004. 512 с.
4. Петр Великий: Pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманитар. ин-та, 2003. 1023 с. (Серия «Русский путь»).
5. Соловьев Е. А. «Революция сверху»: концепция преобразований Петра Великого в трудах С. М. Соловьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2005. № 4. С. 38–43.
6. Черникова Т. В. «Обратная сторона» петровских реформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 88–107.

References

1. *Aidunova T. Yu.* Petr I v russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli serediny KhKh – nachala KhKh v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Peter I in the Russian socio-political thought of the mid XIX – early XX century. Autoref. dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Rostov-na-Donu, 2019. 36 p. (In Russ.).
2. *Arslanov R. A.* K. D. Kavelin: chelovek i myslitel' [K. D. Kavelin: a man and a thinker]. Moscow: Izd-vo RUDN, 2000. 378 p. (In Russ.).
3. *Kireeva R. A.* Gosudarstvennaia shkola: istoricheskaiia kontseptsiiia K. D. Kavelina i B. N. Chicherina [State school: the historical concept of K. D. Kavelin and B. N. Chicherin]. Moscow: OGI, 2004. 512 p. (In Russ.).
4. *Petr Velikii: Pro et contra. Lichnost' i deianiia Petra I v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologiiia* [Peter the Great: Pro et contra. The personality and deeds of Peter I in the assessment of Russian thinkers and researchers. An anthology]. Saint-Petersburg: Izd-vo Rus. khrist. gumanitar. in-ta, 2003. 1023 p. (Seriiia «Russkii put'»). (In Russ.).
5. *Solov'ev E. A.* «Revoliutsiia sverkhui»: kontseptsiiia preobrazovaniia Petra Velikogo v trudakh S. M. Solov'eva [“Revolution from Above”: the concept of Peter the Great's Transformations in the works of S. M. Solovyov] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriiia: Istoriia Rossii.* 2005. № 4. P. 38–43. (In Russ.).
6. *Chernikova T. V.* «Obratnaia storona» petrovskikh reform [“The reverse side” of Peter's reforms] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriiia: Istoriia Rossii.* 2021. T. 20. № 1. P. 88–107. (In Russ.).